

Он говорил вежливо и приятно, но на его лице читалось торжество мелкого человека, не оставляющее и следа раскаяния. Это ясно показывало, что высокомерие было не только у Се Жунцзяо.

Глава племени Яо, конечно же, не мог не воспользоваться возможностью, предоставленной Цзян Чанланем:

— Сын князя, будучи первым учеником Святого, несомненно, является необыкновенной личностью. Я, конечно, не могу сравниться с ним. Лишь надеюсь, что он успешно завершит свое обучение и оправдает ожидания этого путешествия.

Его слова были искусно подобраны. Для ушей диких людей они звучали как недовольство и неудовлетворенность поступками Се Жунцзяо, а для самого Се Жунцзяо — почти как клятва верности, что они не раскроют личность Цзян Цзинсина и будут рады его попытке убить вождя диких племён.

— Се Хуа сказал, что перо Феникса на мне — это Истинное перо Феникса. Человек, сообщивший ему об этом, может быть и не заслуживает доверия, но я чувствую, что это действительно Истинное перо Феникса.

Се Жунцзяо взял руку Цзян Цзинсина и, сохраняя спокойствие, вложил в неё Истинное перо Феникса, не давая ему возможности отказаться:

— В этом путешествии для убийства вождя племени Истинное перо Феникса может пригодиться.

Это перо в его руке было не просто горячим — оно словно прожигало ладонь.

Цзян Цзинсин задумался о чём-то важном.

Десять лет назад Се Хуань прислал ему сто тысяч лян золота и десять тысяч духовных камней, которые заставили его продать себя на десять лет.

Сколько же стоит Истинное перо Феникса?

Сможет ли он расплатиться за него, даже если продаст себя до самого гроба?

Мысль о том, что он сможет продать себя до самого конца, почему-то обрадовала его, и он едва сдержался, чтобы не схватить перо сразу.

Он прикусил язык, чтобы прийти в себя:

— Перо Феникса для других бесценно, оно стоит половины царства. Но у меня есть меч Бацзи, который для меня не хуже пера. Вождь диких племён всего лишь на этапе Небесного человека, он не сможет устроить больших проблем. Всё будет в порядке.

— Вождь диких племён — на этапе Небесного человека, а Моло? — поднял глаза Се Жунцзяо.

Увидев, что Цзян Цзинсин плотно сжал губы, он понял, что угадал, и почувствовал себя измотанным.

— Моло сговорился с кем-то из Южного региона, чтобы вместе осуществить великий замысел. В это время, когда император Чжоу скончался и в Центральных землях начались волнения, вождь племени смело напал на учеников Девяти Областей, прибывших на Северную охоту. В

нападении участвовали не только двенадцать племён Восточной Пустоши, но и великие мастера Западной Пустоши. Я не знаю, сотрудничали ли Восточная и Западная Пустошь, но лучше быть осторожным.

Цзян Цзинсин насмешливо спросил:

— Неужели ты думаешь, что я, как учитель, не смогу справиться с вождём племени?

Тогда ему лучше было бы прожить всю жизнь под именем Гао Шаня, чтобы не позориться.

Се Жунцзяо не ответил ему. Он встал и подошёл к окну, бегло осмотревшись за ним, и спросил:

— Учитель, ты знаешь, что самое ценное в перо Феникса в глазах людей?

Не дожидаясь ответа, он сам продолжил:

— Это то, что перо Феникса помогает убить Святого, превосходящего тебя по уровню. Как известно, Святые, кроме естественной смерти от пяти упадков Небесного человека и убийства равным по силе, практически бессмертны. Они способны выжить даже среди тысяч врагов.

Се Жунцзяо повернулся к Цзян Цзинсину с улыбкой:

— Поэтому ценность пера Феникса основана на существовании Святых.

— Если Святых не будет в этом мире, перо Феникса станет просто пером с наследием, лишь немного более почитаемым из-за своего прежнего владельца, и будет выставлено на всеобщее обозрение.

Се Жунцзяо, обычно немногословный, на этот раз говорил больше обычного:

— Конечно, я всегда чувствовал, что перо Феникса не должно быть полезно только для убийства Святых. Я жду, что ты, учитель, расскажешь мне о других его применениях. Если же оно действительно имеет только одну функцию, то Истинное перо Феникса всё равно будет цениться в глазах людей, и его можно использовать как выкуп за жизнь. Но я верю в тебя, учитель, и не думаю, что дело дойдёт до этого.

Он говорил так легко, словно не имело значения, если Цзян Цзинсин бросит перо в каком-нибудь забытом уголке пустоши. Это не было чем-то, что могло вызвать гнев.

В его устах сокровище, о котором мечтают все, было всего лишь пером.

Неудивительно, что это стало последней каплей, которая сломала Се Хуа, заставив его, обычно расчётливого человека, внезапно поддаться демону сердца и действовать вопреки своему характеру.

Цзян Цзинсин внутренне понял, что всё кончено.

Действительно кончено.

Даже если он был на сто двадцать процентов уверен, что сможет убить вождя диких племён и уйти невредимым, и ему не понадобится перо как выкуп за жизнь, он всё равно был обречён продать себя до самого конца.

Цзян Цзинсин схватил перо, выпил бокал вина и громко рассмеялся:

— Тогда я могу только предложить голову вождя племени в качестве благодарности.

Казалось, в его сердце вспыхнул огонь, который не горел много лет, и его охватили амбиции и смелость, готовые поднять бурю в Девяти Областях.

Тридцать лет назад слабость заставила Моло думать, что он держит его за горло, и он до сих пор этим гордится.

Но пришло время проснуться.

В этой осенней охоте пять великих мастеров северных диких племён погибли, что стало беспрецедентным событием за последние сто лет. В Пинчэне царила паника, и вождь племени хотел заключить мир с Се Жунхуа. Если бы не его жёсткая манера поведения и сила, кто знает, остался бы он на троне.

Се Жунцзяо и его спутники стали центром внимания всего города.

Сцена, где он приставил меч к шее вождя племени Яо у городских ворот, быстро облетела весь город, и, несмотря на молчание вождя племени, дикари, пришедшие пригласить его на вечерний банкет, шли на цыпочках.

— Прошу вас, сын князя, снимите меч.

Се Жунцзяо остановился.

Стражник продолжал держать руку, преграждая ему путь, и невозмутимо повторил:

— Прошу вас, сын князя, снимите меч.

Впервые он произнёс эти слова с некоторым напряжением, но затем подумал, что снять меч перед входом в королевский шатёр — это естественно, и вождь племени в шатре поддержит его. Чего же бояться?

Он увидел, как в глазах молодого человека в роскошных красных одеждах мелькнул золотисто-красный свет.

Се Жунцзяо снял меч Чжэньцзяншань с пояса, и стражник вздохнул с облегчением.

Он, конечно, слышал о том, как сын князя Фэнлин смело обнажил меч против вождя племени Яо у городских ворот, и, хотя не считал, что сделал что-то не так, боялся, что случайно станет вторым вождём племени Яо.

Стражник наблюдал, как Се Жунцзяо снимает Чжэньцзяншань, и увидел, как лезвие меча внезапно вышло из ножен, и серебристый свет разлился перед его глазами. В следующее мгновение он потерял сознание.

Из королевского шатра раздался гневный голос вождя племени:

— Кто осмелился устроить беспорядки перед моим шатром?

Со всех сторон собрались воины диких племён, натянули луки, обнажили мечи и копья, готовые по приказу вождя племени наброситься на этих наглых посланников Девяти Областей.

Вместе с Чжэньцзяншань из ножен вышел и меч Бацзи.

Меч бушевал, сметая горла и груди воинов диких племён, и его яростная сила не ослабела, даже когда на земле уже лежали трупы. Он снёс весь королевский шатёр вождя племени.

Цзян Цзинсин сделал два шага вперёд, держа меч, и спокойно произнёс имя, которое давно не использовал:

— Цзян Цзинсин.

Трудно сказать, было ли выражение лица вождя племени насмешливым или удивлённым, но, столкнувшись с единственным в мире Святым этапом, он не показал ни капли страха:

— Ты пришёл сюда? Ты не боишься смерти?

Цзян Цзинсин спокойно ответил:

— Вторую часть вопроса задай себе.

Он совсем не походил на того весёлого и беспечного человека, который плохо гадал и неумело рассказывал истории, живя лишь благодаря своему приятному лицу и покровителям.

Никто не был более похож на Святого.

Разве это не идеально?

Это была поистине данная небесами возможность прославиться.

Единственная мысль, которая пришла в голову вождю племени, была именно такой.

Он смеялся без остановки, почти до слёз:

— Небеса благоволят мне! Небеса благоволят мне!

Святой? Разве он не пришёл сюда, чтобы стать его ступенькой к славе?

В этот момент он полностью поверил словам Моло о том, что он станет следующим Святым.

Когда все стражники вокруг шатра погибли от меча Цзян Цзинсина, а остальные ещё не успели подойти, Цзян Чанлань не знал, что делать, и пробормотал:

— Может быть, вождь племени сошёл с ума от страха?

Как-никак, он был одним из десяти сильнейших в мире, находящимся на этапе Небесного человека. Неужели он действительно мог так себя вести?

Се Жунцзяо, однако, покачал головой:

— Не похоже.

С безумным человеком бесполезно спорить.

Цзян Цзинсин хорошо это понимал:

— Мне следовало бы поспорить с тобой, кто кого убьёт и кому благоволят небеса. Но сегодня я спешу, и всё решится под моим мечом.

Он нанёс удар.

Цзян Цзинсин действительно торопился. В Восточной Пустоши сила решает всё, и гарнизон Пинчэна не будет сидеть сложа руки.

Поэтому он не сдерживался в этом ударе.

Говорили, что когда он убил императора Чжоу, в небе появился белый радужный луч длиной в сто чжан, пронзивший солнце, и его свет был ярче, чем дневной.

И теперь этот стометровый белый радужный луч снова появился!

Белый радужный луч повис в воздухе, указывая на королевский город, словно это был не удар меча, а нечто, пришедшее с девяти небес, с Млечного Пути, из бездонной вселенной, обрушившееся с высоты в тысячи, а может, и десятки тысяч футов.

На севере диких племён рано темнеет, и в этот момент полная луна висела высоко в небе, а в домах зажигались свечи.

<http://bllate.org/book/16198/1453742>